Победители и лауреаты XIV Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник»

Номинация «Философское стихотворение»

Победитель конкурса - Юрий Николаевич Щербаков (г. Астрахань)

ЛЮБИМЫМ ПОЭТАМ

ФЁДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ

Дипломатического глянца
Не любит вещая душа...
Да, можно русским оставаться,
Европой двадцать лет дыша!

И не о том ли в тихом Рейне
Вздыхает сонная вода,
Что можно другом стать для Гейне,
Но иностранцем – никогда!

Нужна Европа, чтоб оттуда
Ясней понять когда-нибудь,
Какое это всё же чудо –
Неповторимый русский путь!

Его не застят злые тучи
И горький дым пороховой –
То, что назвал когда-то Тютчев
Благословенною судьбой.

В которую так нужно верить,
Как верят свято моряки
В спасительный заветный берег,
Вселенским бурям вопреки!

Дорогу отыскать непросто
К спасению в смертельной мгле.
У каждого из нас свой Овстуг –
Маяк заветный на земле.

О, Родина, твои пределы –
Не в том ли наша благодать, –
Что каждый русский может смело
Родимыми их называть!

По вечному закону Света,
По праву кровного родства,
По слову вещему поэта,
Которым наша Русь жива.

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ НЕКРАСОВУ

Один знакомый виршеплёт
Сенсацию взорвал, как мину:
«Великий русский патриот
Был сыном польки с Украины!

И потому в его крови,
С пелёнок жаждущей свободы,
Быть не могло никак любви
К России и её народу!»

О, низвергатели основ,
От вас воистину нет спасу!
Побиться об заклад готов,
Что русским был душой Некрасов!

«Страдания простых людей
Остановить любой ценою!
Самовластительный злодей
Не должен помыкать страною!» –

Так думал пламенный трибун,
Противник рабства векового,
Вложивший русскую судьбу
В своё рифмованное слово!

Пускай загадочный коктейль
Из вещих жил наружу рвётся,

Одна была у сердца цель –
Скорей зажечь свободы солнце!

Какая русская мечта
О справедливости и счастье!
Любитель сплетен и подстав,
Сегодня ты над ней не властен!

Звенит певучая строка
Не польским слогом, не французским
Того, кто гордо на века
Останется поэтом русским!

Быть русским – в жребии святом
Не разделять людей на расы.
И сердце русское лишь то,
Где Пушкин, Тютчев и Некрасов!

ИВАНУ АЛЕКСЕЕВИЧУ БУНИНУ

Как хохотали чайки за кормой
От вечного голодного азарта,
Когда из революции домой
Отчалила отчаянная «Спарта»!

Дрожали часто ржавые бока,
И вслед за разгулявшейся метелью
Спешили из Одессы облака,
Изорванные красною шрапнелью.

Протяжно выли цепи якорей,
Отсчитывая в горловинах клюзов
Начало самых окаянных дней
Из жизни новоявленных французов.

Неужто поразит сермяжный дух,
Который всё мятежнее и злее,
Как будто заразительный недуг,
И тех Булоней тёмные аллеи?

«Нет окаянней русского пути!
В крови сварившись, дуй – не дуй на воду…
Я ненавижу! Господи, прости
Раба, с лишком хватившего свободы!

Прости и нас, заносчивых господ,
Чья, кажется, навеки бита карта.
А всё же не случайно пароход
Зовётся так необычайно – «Спарта»!

Он погоднее запахнул пальто
И усмехнулся вдруг прозренью куце:
«Ни на щите, увы, ни со щитом
В Россию больше не дано вернуться,

Как тем спартанцам… Больше никогда!»
Господня воля в жребии суровом.
Века. Тысячелетия. Года.
И триединство:
Память. Вера. Слово.

Лауреат конкурса - Ирина Александровна Устинова (г. Санкт-Петербург)

Цикл «Пока не поздно»

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует…

Ф. И. Тютчев (из стихотворения «Наш век»)

Вещный мир

Не верь, что вещи — наша суть,
Их яркий блеск недолговечен.
Они затмят когда-нибудь
Всё то, чем дух людской отмечен.

Мы гонимся за новизной,
Комфортом, лоском, шумным светом,
Но в сердце пусто, и покой
Уходит с каждым тёплым летом.

К чему нам груды пёстрых тряпок,
Стекло, металл и мишура?
Мир ложных ценностей так шаток,
А душам хочется добра.

А мы всё мерим на вес злата,
Забыв, что истинно ценней —
Руки тепло, душевность взгляда,
Здоровье близких нам людей.

Самообман

Мы тешимся удобством дней,
Уютом, сытостью, покоем,
И мнится счастье лишь полней,
Когда довольны мы собою.

Но ночью, в тишине немой,
Когда стихает гул эпохи,
Вдруг сердце ноет, и с тоской
Мы вспоминаем те уроки,

Где не искали мы наград,
Где были слёзы, смех и вера,
Где каждый был друг другу рад
Без лжи, фальшивого примера.

Так чем мы платим за комфорт?
Потерей чувств, живой печали.
И вместо истины — аккорд
Пустых иллюзий, что звучали.

Бабушкина сказка

Мне снится дом, где пахнет хлебом,
Где спицы вяжут у печи,
И детство дышит чистым небом,
И звёзды светят в той ночи.

Мне бабушка шептала сказки,
Где доброта всегда права,
И мира не давили краски,
Где нет корысти и родства.

Её морщинистые руки —
В них правда всей земной судьбы,
Они хранили нас в разлуке
И не просили за труды.

А ныне — лишь вещей излишки,
И память тает, как дымок,
Но в сердце бабушкины книжки
Зовут на праведный порог.

Возвращение

Опомнись, человек, пока не поздно,
Вернись к полям, к началу светлых дней,
Где шум дубрав и ночи светят звёздно,
И нет обмана в помыслах людей.

Там не ищи спасенья в вещном блеске,
А жди улыбки, дружбы и тепла,
Где уваженья тонкие завесы
Душа живая в суете ткала.

Мы так скучаем по теплу живому,
По взгляду, по поступкам и словам.
Ведь время мчит к финалу роковому —
Богатство прахом обернётся вам.

Вернись к истокам, к бабушкиным сказкам,
Вприпрыжку к детству, к той простой поре,
Когда не знали мы о ложных ласках,
А жили в мире, свете и добре.

Лауреат конкурса - Ирина Сергеевна Гогулина (Республика Беларусь, г.Толочин)

РЫНОК

Провинциально мылись воробьи
В студёной луже, потешая рынок.
Дрожали капли, словно в забытьи,
На спинах рыб в морщинистых корзинах.

Пыхтел живейник, пахло табаком
И гомон дня взмывал над куполами.
Свисало небо грязным потолком,
Исчёрканным косыми журавлями.

Ряды гвоздей, разлитый керосин.
Лицо в золе, поддон сухой тарани.
Ничейный сын, забытый гражданин
Свистел задорно в пепельном тумане.

Цыганка, сняв поношенный тулуп,
Искала медь в засаленном кармане.
В её улыбке золотился зуб,
Мотыль плескался радостно в стакане.

Торговка семечки ссыпала в полотно,
Как будто время мерила горстями.
Ботинки со шнуровкой на пшено
Меняла гимназисточка с кудрями.

Глядел на солнце медный самовар,
Мелькали спины старых венских стульев.
Их гладил лупоглазый антиквар
И стукал гребнем розовый цирюльник.

Бродячий пёс у лавки мясника
Дремал, во сне считая бычьи туши.
Намедни цапнул люто моряка -
Тот прострелил ему картечью уши.

Смешались крики, запахи рогож,
В возах блестели яблоки и ситец.
Топтали жизнь подошвами галош
Священник, большевик и стихописец.

Гнездилась вечность в трещинах лотков
И в ржавых гирях закрывала бреши.
Под бойкий говор хитрых стариков
Новое сменялось на Новейшее.

ОН

Он выходит на смену,
На полный рабочий день.
Заводит вселенную,
Градирует светотень.
Сдувает с галактик пыль,
Чистит сопла ракет,
Мечты превращает в быль.
И так – миллиарды лет.
С реестром сверяет люд,
Каждого слушает пульс.
Клеит чертёж в конволют –
Судьбам намеченный курс.
Ведёт протокол заслуг,
Отсеивает порок.
Он – многоглаз, многорук,
Он – мастер, а не пророк.
И если среди частот,
Сквозь гул земных эстакад,
Один человек вздохнёт –
Он будет его латать.
Напишет к утру отчёт,
Отправится в карантин:
В чёрной дыре заснёт
Под шёпот людской: «Аминь».

XXI

Стук колёс. Я слышу точно, как спешит в безумство век.
Молодой ещё, по кочкам, по зелёному лесочку.
Он пока счастливей всех.

Я его не буду трогать. Жук на донышке сопит.
В кофте девичьей - пологость, и в рукав не хочет локоть,
И в медкарточке: «ковид».
Краснощёкий - двадцать пятка. Он поэт и музыкант.
У него счета в порядке. Протестует на брусчатке,
Нежеланный иммигрант.

Нет в Париже Заонежья. На афише – сытый шут.
Плачет кукла за манежем, на лазурном побережье.
Весь в заплатах парашют.

Режет душу нож-шлагбаум, красным светит семафор.
Счастье прячется в пентхаус. В ад спешит безумный Фауст.
А на Родине – простор.
Поле рвут хлеба густые. Сныть, берёзы, тишина…
Дым небесного кадила, лик Святого Михаила
Вдруг касается лица.

Набивай же синячище, соловьиная шпана!
Если совесть - голосище, к сердцу – провод-корневище.
Значит – выживет страна!